

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.199.6.128-137

А. А. Волос\*

## Проблемы реализации принципа добросовестности в условиях цифровизации гражданского оборота

**Аннотация.** Автор рассматривает сущность, особенности реализации, перспективы трансформации содержания принципа добросовестности в связи с необходимостью регулирования гражданских отношений в цифровой среде. В частности, на основании исторического и доктринального аспектов делаются выводы о том, что есть добросовестность в контексте действующего законодательства. Автор утверждает, что указанная категория является принципом гражданского права, несмотря на сомнения отдельных исследователей. При этом добросовестность — это важнейшая оценочная категория отечественного гражданского права, возведенная в ранг основных начал гражданского законодательства. По результатам рассмотрения отдельных модельных и реальных примеров из практики автор приходит к выводу, что добросовестность остается актуальным и необходимым инструментом, который может быть использован и в законодательной, и в правоприменительной деятельности при решении юридических проблем правового регулирования отношений, связанных с использованием цифровых технологий. В данном случае могут быть выявлены некоторые специфические особенности принципа добросовестности, в частности: происходит повышение стандарта предоставления информации контрагенту (в отношениях в цифровой среде становятся выше требования к количеству необходимой информации, а также к ее содержанию); в перспективе возможно ужесточение последствий за непредоставление информации в контексте п. 3 ст. 307 ГК РФ (ясно, что какую-то информацию можно не сообщать при «живом» взаимодействии, например о явных недостатках товара; однако в онлайн-пространстве ситуация иная); необходимо рассмотрение интерфейса сайта в качестве обстоятельства, влияющего на оценку добросовестности поведения (в этой связи оценке подлежат шрифт, цветовая гамма, отвлекающие моменты).

**Ключевые слова:** добросовестность; принципы гражданского права; цифровизация; цифровое право; click-wrap-соглашения; P2P-кредитование; цифровые технологии; смарт-контракт; предоставление информации; содействие сторон в договоре.

**Для цитирования:** Волос А. А. Проблемы реализации принципа добросовестности в условиях цифровизации гражданского оборота // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 6. — С. 128–137. — DOI: 10.17803/1729-5920.2023.199.6.128-137.

### Difficulties in Principle of Good Faith Implementation in the Conditions of Digitalization of Civil Turnover

Alexey A. Volos, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor,  
Department of Private Law, Faculty of Law, HSE University  
ul. Myasnitskaya, d. 20, Moscow, Russia, 101000  
volosalexey@yandex.ru

**Abstract.** The author examines the essence, features of implementation, and prospects of transformation of the content of the good faith principle in connection with the need to regulate civil relations in the digital environment. In particular, based on historical and doctrinal aspects, the author concludes that the good faith principles applies

© Волос А. А., 2023

\* Волос Алексей Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента частного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, Россия, 101000  
volosalexey@yandex.ru

in the context of current legislation. The author claims that this category is a principle of civil law, despite the doubts of some researchers. At the same time, conscientiousness is the most important evaluation category of domestic civil law, elevated to the rank of the basic principles of civil legislation. Based on the results of consideration of individual model and real-world examples from practice, the author concludes that good faith remains an actual and necessary tool that can be used both in legislative and law enforcement activities when solving legal problems of legal regulation of relations related to the use of digital technologies. In this case, some specific features of the principle of good faith may be identified. They are in particular as follow. There is an increase in the standard of providing information to the counterparty (in relations in the digital environment, the requirements for necessary information, as well as its content, become higher). In the future, it is possible to tighten the consequences for failure to provide information in the context of paragraph 3 of Article 307 of the Civil Code of the Russian Federation (clearly that some information can not be reported during a «live» interaction, for example, about obvious shortcomings of the product. However, the situation is different in the online space. It is necessary to consider the site interface as a circumstance affecting the assessment of conscientiousness of behavior (in this regard, font, colors, distractions are subject to evaluation).

**Keywords:** good faith; principles of civil law; digitalization; digital law; click-wrap agreements; P2P lending; digital technologies; smart contract; provision of information; assistance of the parties in the contract.

**Cite as:** Volos AA. Problemy realizatsii printsipa dobrosovestnosti v usloviyakh tsifrovizatsii grazhdanskogo oborota [Difficulties in Principle of Good Faith Implementation in the Conditions of Digitalization of Civil Turnover]. *Lex russica*. 2023;76(6):128-137. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.199.6.128-137. (In Russ., abstract in Eng.).

Среди всех принципов гражданского права наибольшее количество дискуссий вызывает принцип добросовестности. Споры велись еще в дореволюционной цивилистике, а сегодня они приобрели еще большую остроту с учетом серьезной трансформации общественных отношений и экономического оборота. Вместе с тем, как будет показано на конкретных примерах, предложенные ниже концептуальные представления о принципе добросовестности способны стать эффективным правовым инструментом решения конкретных ситуаций, связанных с использованием цифровых технологий в гражданском обороте.

Отметим, что на страницах литературы периодически продолжаются дискуссии по поводу того, является ли добросовестность принципом гражданского права в строгом смысле этого слова. Разумеется, формальное указание добросовестности в п. 3 ст. 1 ГК РФ еще не означает автоматически, что имеются необходимые свойства и качества, присущие именно принципам гражданского права. Однако изучение законодательства и правоприменительной практики с очевидностью подтверждает, что добросовестность — принцип. Во-первых, ука-

занная категория раскрывается в ряде норм законодательства, в том числе в положениях, устанавливающих обязанности сторон гражданского правоотношения (см., например, п. 4 ст. 62, п. 3 ст. 307 ГК РФ). Во-вторых, принцип добросовестности имеет особое правоприменительное значение. Так, суд оценивает поведение сторон в качестве добросовестного или недобросовестного. Причем сделать это может даже по своей инициативе<sup>1</sup>.

В качестве принципа рассматривает добросовестность, например, В. Г. Голубцов. Автор прав в том, что данное начало опирается не на этические нормы как таковые, а на закрепленные в законе положения. Тем самым имеются объективные, а не субъективные стандарты добросовестности<sup>2</sup>. Правда, следует уточнить другой вывод ученого: добросовестность опирается на установленные в законе принципы равенства участников гражданского правоотношения и свободы их волеизъявления<sup>3</sup>. Разумеется, принцип добросовестности связан с принципами равенства субъектов, диспозитивности, свободы договора. Более того, суд, толкуя нормы гражданского законодательства, должен выявлять их истинный смысл не

<sup>1</sup> См., например: п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

<sup>2</sup> См.: Голубцов В. Г. Принцип добросовестности и смысл гражданского законодательства: логика законодательных изменений и задачи правоприменения // Российский юридический журнал. 2020. № 2. С. 142–150.

<sup>3</sup> См.: Голубцов В. Г. Указ. соч.

из одного только принципа, но исследуя их в системе. Например, при решении вопроса о допустимости того или иного условия договора нужно исходить из свободы договора, но учитывать правило о недопустимости злоупотребления правом. В частности, такая логика привела к идее о том, что мелкий шрифт в договоре с потребителем недопустим.

Вместе с тем сто́ит четко разграничивать принципы добросовестности, юридического равенства участников оборота и диспозитивности. Иногда суды используют только один принцип для решения конкретного дела.

Так, суды при решении вопроса о защите исключительных прав учитывают факт недобросовестного поведения правообладателя. Представим, что последний знал о нарушении своего права, например ввиду распространения результатов интеллектуальной деятельности через социальные сети, иные открытые источники, используемые правообладателем, но в течение длительного срока не предпринимал никаких активных действий по пресечению нарушения. Очевидно, что целью такого поведения должно презюмироваться желание продлить факт нарушения, дожидаться увеличения их количества, чтобы в дальнейшем получить больший размер компенсации. В такой ситуации может быть актуальна такая позиция судов: «При нормальных условиях гражданского оборота предполагаемое добросовестное поведение лица, выявившего факт нарушения принадлежащих ему исключительных прав, предусматривает принятие мер, направленных на пресечение такого нарушения»<sup>4</sup>. Процитированное суждение не касалось ситуации, имеющей отношение к цифровизации общества и вновь возникающим отношениям, но вполне к ним применимо и, как видно из нашего примера, может быть актуально для объекта нашего исследования.

Таким образом, принцип добросовестности имеет под собой особое уникальное содержание, а также отличается самостоятельным значением.

В науке представлен и совершенно иной взгляд на категорию добросовестности в гражданском праве, согласно которому ее вовсе нельзя рассматривать как принцип и норму

гражданского права: добросовестность — не правовое понятие, оно должно рассматриваться как одно из предполагаемых свойств общественных отношений, регулируемых гражданским правом<sup>5</sup>.

То, что добросовестность — явление правовое и его нельзя смешивать с морально-нравственными и этическими категориями, уже было показано выше в связи со ссылками на конкретные нормы законодательства и правоприменительную практику. Рассмотрение добросовестности как отличительной черты или свойства гражданских отношений сомнительно: категория добросовестности реализуется в конкретных нормах гражданского законодательства, что отличает принципы гражданского права и не характерно для специфических черт общественных отношений, регулируемых той или иной отраслью права.

Еще одной попыткой нивелирования значения добросовестности в качестве принципа гражданского права может служить ее рассмотрение исключительно в качестве нормы-презюмции. Так, некоторые ученые пытаются найти противоречие между принципом и презюмцией, утверждая, что добросовестность — презюмция, но не принцип в гражданском праве. Несколько близок к этому В. В. Кулаков, который пишет о том, что «одновременное закрепление в ГК РФ добросовестности как основного начала гражданского законодательства и презюмции представляется нелогичным»<sup>6</sup>. Здесь сто́ит обратиться к дискуссии о сущности и назначении указанных категорий. Не вдаваясь подробно в этот вопрос, отметим, что принцип как основополагающее начало раскрывается в совокупности норм соответствующей отрасли. В этом его отличие от презюмции, отличительной черты или свойства гражданско-правовых отношений. При такой логике, наоборот, правильно, что принцип добросовестности отражается в различных взаимосвязанных между собой правовых положениях, в том числе в норме-презюмции. Кроме того, принцип добросовестности предполагает конкретные обязанности участников гражданских отношений (что нехарактерно для презюмции): не допускать злоупотребления правом, предоставлять информацию, учитывать права и обязанности контрагента и т.п.

<sup>4</sup> См.: постановление Суда по интеллектуальным правам от 14.12.2022 № С01-2213/2022 по делу № А74-5168/2022 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

<sup>5</sup> См.: Ульянов А. В. Добросовестность в гражданском праве // Журнал российского права. 2014. № 6. С. 133.

Последний вывод является фундаментальным для целей понимания сущности и практического назначения принципа добросовестности в гражданском праве. Они могут быть разрешены путем выделения категорий, являющихся частями (подпринципами) добросовестности. Значительно проще на практике понять, что есть, например, принцип содействия сторон обязательственного отношения как часть принципа добросовестности (п. 3 ст. 307 ГК РФ), в каких случаях его применение на практике необходимо, чем в целом пытаться толковать принцип добросовестности.

Добросовестность — это важнейшая оценочная категория отечественного гражданского права, возведенная в ранг основных начал гражданского законодательства. Она является родовым принципом для всех оценочных категорий гражданского законодательства. Принцип добросовестности в гражданском праве включает в себя прежде всего следующие правовые положения (подпринципы): недопустимость злоупотребления правом; требование о разумном осуществлении субъективных прав; требование об оказании взаимного содействия сторонами обязательственного отношения; требование об экономичном исполнении обязательства.

Показательно, что категория добросовестности постепенно становится междисциплинарной. В частности, специалисты в области процессуального права всё больше указывают на аспекты ее реализации применительно к своим исследованиям. Так, в контексте проблемы независимости и добросовестности суда автор одного исследования, изучая, в частности, проблему обсуждения судебных решений в сети «Интернет», делает вывод о том, что «право пока не нашло адекватного механизма реагирования на недобросовестные действия в виртуальной среде»<sup>7</sup>. Соглашаясь с тем, что заявленная проблема имеется, причем носит сложный, системный характер (добросовестность в приведенном примере следует соотносить с правом на свободу слова и выражение мнений), отме-

тим сам факт, что аспекты реализации добросовестности применительно к процессуальному праву стали актуальны именно ввиду развития цифровых технологий и виртуальной среды.

Сегодня проблема реализации принципа добросовестности в гражданском праве усложнилась ввиду широкого использования цифровых технологий. В теории и на практике дискуссионным стал вопрос, насколько принципы гражданского права могут реально использоваться для защиты прав и законных интересов субъектов таких отношений. Особенно это касается договорных отношений, в которых стороны применяют последние достижения техники. В программу нельзя загрузить требование об обеспечении законности, справедливости, защиты слабой стороны. Основными принципами формирования условий договора становятся определенность и эффективность<sup>8</sup>. Иностранные авторы по этому поводу пишут, что компьютер будет «беспомощен» к применению принципов равенства и добросовестности<sup>9</sup>. Представляется, что именно по поводу принципа добросовестности могут быть наиболее серьезные споры, так как он подразумевает под собой применение оценочных категорий, что, по идее, должно исключаться в связи с использованием цифровых технологий.

В целом проблема категории добросовестности, изначально касающаяся аспектов ее определения и значения для практики, переросла в более широкую проблему. Необходимо широкое обсуждение нынешней роли добросовестности в договорном праве в связи с использованием киберпространства. Интересный аспект может быть связан и с соотношением между добросовестностью и персонализированным потребительским правом, когда сбор данных и машинное обучение, используемые в отношениях с гражданином, могут быть использованы в целях, не предусмотренных прямо договором, например для последующего навязывания товаров, работ и услуг.

Есть точка зрения, согласно которой действие принципа добросовестности продолжает-

<sup>6</sup> Кулаков В. В. Основные принципы гражданского права как особая форма права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4. С. 185.

<sup>7</sup> Нешатаева Т. Н. Независимость и добросовестность суда и судей в цифровую эпоху: интеграционный опыт // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 55. С. 107.

<sup>8</sup> См.: Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32–60.

<sup>9</sup> См.: Durovic M., Janssen A. The Formation of Smart Contracts and Beyond: Shaking the Fundamentals of Contract Law? // Smart Contracts and Blockchain Technology: Role of Contract Law. 2018. September. P. 23.

ся и в случае использования компьютерных программ, правда в ограниченном виде. Например, в работе смарт-контракта осуществление прав и исполнение обязанностей происходит с участием компьютера, который не может действовать добросовестно или недобросовестно. Вместе с тем принцип добросовестности в любом случае будет актуален на тех стадиях развития правоотношения, в которых непосредственное участие принимают субъекты (преддоговорные контакты, создание программы, внесение в нее данных, момент заключения договора, реализация права на защиту и др.)<sup>10</sup>. Действительно, выход из указанных выше затруднений может быть в том, чтобы рассматривать правовое регулирование не самого технического процесса, например смарт-контракта, являющегося программным кодом, а отношений субъектов. В зависимости от конкретной ситуации поведение таких субъектов, их действия и (или) бездействие могут быть охарактеризованы в качестве недобросовестных.

В частности, в зарубежной литературе делался серьезный акцент на реализации принципа добросовестности на стадии формирования условий договора с использованием технологии смарт-контракта: здесь необходима индивидуальная оценка справедливости его условий, что могло бы привести к выявлению факта недобросовестного поведения сторон, установлению роли и значения технологических средств и их владельцев<sup>11</sup>.

Следует также согласиться с Е. Е. Богдановой в том, что «автоматизация исполнения обязательств... не должна создавать препятствий для реализации основополагающих принципов добросовестности и договорной справедливости, для возможности оценки пропорциональности распределения прав и обязанностей сторон, эквивалентности их имущественных предоставлений»<sup>12</sup>. Поддерживая сказанное, добавим, что в противном случае использование технологий может стать своего рода инструментом для обхода отдельных императивных положений закона, в частности требований по добросовестному осуществлению прав и исполнению обязанностей.

Применительно к сказанному приведем конкретный пример. Само по себе использование технологии смарт-контракта на практике может привести к новому виду недобросовестного поведения — непризнанию стороной ответственности лишь на том основании, что договор был заключен и исполнен с использованием смарт-технологий. Полагаем, что ссылка стороны договорного отношения на тот факт, что при заключении или исполнении договора были использованы смарт-технологии, если такая сторона знала или должна была знать об ошибке в компьютерной программе, должна рассматриваться в качестве недобросовестного поведения. Ссылка стороны договорного отношения на то, что при заключении или исполнении договора были использованы смарт-технологии, если такая сторона нарушила договорное обязательство, должна квалифицироваться в качестве злоупотребления правом на основании ст. 10 ГК РФ. Подобные выводы должны быть приведены Верховным Судом РФ в качестве руководящих правил для нижестоящих судов.

В настоящий момент в России и зарубежных странах нет большого количества примеров, когда суды, решая дела по поводу гражданских отношений, осложненных использованием цифровых технологий, применяли принцип добросовестности. При этом наличие отдельных решений позволяет сделать определенные выводы по поводу значимости добросовестности, а также того, как ее следует толковать в этих ситуациях. Приведем некоторые, как представляется, наиболее яркие примеры из практики разных стран и попытаемся сделать необходимые обобщения.

Так, интересным представляется анализ особенностей click-wrap-соглашения, при котором нажатие особой кнопки «согласен» может рассцениваться в качестве согласия на заключение договора. Здесь остается открытым вопрос о предоставлении всей необходимой информации при таком акцепте. Проблема теоретически может быть разрешена сугубо формально, что обычно и пытаются сделать российские суды. В частности, в одном деле обсуждался вопрос

<sup>10</sup> См.: *Henan R.* Legal Recognition of Blockchain Registries and Smart Contracts. Paris, 2018. P. 22.

<sup>11</sup> См.: *Dell'Erba M.* Demystifying Technology. Do smart contracts require a new legal framework? Regulatory fragmentation, self-regulation, public regulation // *University of Pennsylvania Journal of Law & Public Affairs*, Forthcoming. 2018. May. P. 41.

<sup>12</sup> *Богданова Е. Е.* Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом // *Lex russica (Русский закон)*. 2019. № 7. С. 108.

о законности использования формы click-wrap-соглашения для заявления о предоставлении кредита<sup>13</sup>. Суд согласился с тем, что форма графического выражения согласия или отказа заемщика от оказания ему услуги законом не регламентируется. Однако вместо толкования с точки зрения принципов гражданского права суд привел информацию Роспотребнадзора, который установил некоторые правила использования click-wrap-соглашений<sup>14</sup>. Насколько данный документ является источником гражданского права, предмет дополнительных дискуссий.

Другой подход для практики может заключаться в решении вопроса с позиции принципа добросовестности, в частности через изучение наличия/отсутствия на сайте при регистрации отвлекающих моментов, крупного/мелкого шрифта и т.п. Не забываем при этом, что добросовестное поведение при заключении договора включает в себя, помимо прочего, предоставление необходимой информации и учет прав и законных интересов контрагента.

Например, суд США при решении проблемы действительности click-wrap-соглашений исследовал интерфейс сайта. Важным критерием стало то, что полный экран виден сразу и имеется минималистичный макет без отвлекающих факторов, которые делали бы непонятными для гражданина последствия от нажатия кнопки «согласен». Таким образом, сторона, предоставившая условия договора на сайте, была добросовестной. Подобный вывод вполне аналогичен давно известной практике, при которой мелкий шрифт в договоре является злоупотреблением правом в отношениях с гражданами. Однако пока в России подобная аналогия не прижилась в полной мере.

Еще один яркий пример связан с заключением договоров купли-продажи в онлайн-пространстве. Применение принципа добросовестности означает прежде всего обязанности

сторон, совершающих сделку, предоставить достоверную информацию друг другу. Продавец конкретного продукта в связи с предлагаемым им набором товаров или услуг должен сообщить сведения о фактическом состоянии товара, не допуская при этом введения в заблуждение. Важно отметить, что добросовестной должна быть и другая сторона: покупателям следует предоставлять полную информацию, связанную с возможностями по осуществлению платежей<sup>15</sup>. В качестве примера можно привести необходимость предоставления достоверных сведений о личности плательщика и его платежеспособности.

Развитие технологий предполагает и возникновение новых специфических отношений субъектов. Среди них P2P-кредитование, суть которого заключается в кредитовании денег между не связанными между собой лицами, равноправными сторонами без привлечения традиционного финансового посредника в виде кредитной организации. Правовое регулирование подобных отношений — это предмет самостоятельной дискуссии, однако в научной литературе уже обсуждаются вопросы применения к ним принципа добросовестности<sup>16</sup>. В качестве типичного примера недобросовестного поведения субъекта, подготавливающего проект договора, указывается на отсутствие в соглашении срока предоставления кредита.

Среди конкретных аспектов реализации принципа добросовестности в P2P-кредитовании авторы называют три аспекта. Во-первых, необходимы гарантии прозрачности предлагаемого продукта и методов проведения торгов. Платформа P2P обязана предоставлять информацию обо всех расходах, связанных с задолженностью, включая расходы, понесенные авансом, проценты, сборы за просрочку платежа. Во-вторых, следует гарантировать недопущение чрезмерных заимствований. Субъекты финтехбизнеса предлагают кредитование, це-

<sup>13</sup> См.: решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 20.07.2021 № А65-10041/2021 // URL: [https://sudact.ru/arbitral/doc/gNpKWdG5opxw/?arbitral-txt=click-wrap&arbitral-case\\_doc=&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date\\_from=&arbitral-date\\_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&\\_id=1666972286789&snippet\\_pos=2744#snippet](https://sudact.ru/arbitral/doc/gNpKWdG5opxw/?arbitral-txt=click-wrap&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&_id=1666972286789&snippet_pos=2744#snippet) (дата обращения: 08.03.2023).

<sup>14</sup> См.: информация Роспотребнадзора «Об особенностях click-wrap-соглашений» // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

<sup>15</sup> См.: *Widaningsih W.* The Implementation of Good Faith Principles in Online Sale and Purchase // Kertha Wicaksana: Sarana Komunikasi Dosen dan Mahasiswa. 2019. Vol. 13. Iss. 1. P. 62.

<sup>16</sup> См.: *Wardoyo Y. P., Luthfi M., Cahyani T. D.* Fulfillment of the Principle of Good Faith in Peer-to-Peer Lending Agreements According to the Perspective of Civil Law // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2021. Vol. 590. P. 244–246.

лю которого является повышение способности и устойчивости потребительской экономики. Чрезмерные финансовые нагрузки на граждан не должны быть целью такой деятельности. В-третьих, финтехкомпании должны соблюдать принцип добросовестности, связанный с практикой предоставления соответствующих услуг (здесь речь идет, в частности, о недопустимости так называемого киберзапугивания)<sup>17</sup>.

Примеры и выводы, приведенные процитированными авторами, представляются актуальными и значимыми, в том числе для российской практики. В нашей стране сто́ит подумать о возможности применения законодательства о потребительском кредитовании к платформам P2P, ведь использование современных технологий не может отменить действующее регулирование. Обратное могло бы быть рассмотрено в качестве своеобразного злоупотребления правом: использование технологий в целях обхода законодательного регулирования.

Еще один аспект реализации принципа добросовестности применительно к отношениям в цифровом пространстве связан с категорией «добросовестный приобретатель». Оставляя в стороне дискуссии по поводу соотношения права собственности и права на цифровые активы, укажем, что проблема добросовестного приобретения цифровых активов и возможные последствия этого рано или поздно возникнут на практике. К примеру, в Великобритании предлагается ввести «правило невиновного покупателя» в ситуации передачи криптовалют по цепочке. В этом случае добросовестный приобретатель цифровых активов сохраняет за собой права на последние<sup>18</sup>.

Говоря о российском праве, следует сделать вывод, что цифровые активы, прежде всего цифровые права, по смыслу законодательства не относятся к праву собственности, а представляют собой обязательственные и иные права. Следовательно, прямого применения к отношениям по поводу цифровых активов правил ст. 302 ГК РФ о добросовестном приобретении

быть не может. С другой стороны, сказанное не исключает использования данной нормы по аналогии закона. В любом случае необходим законодательный механизм, гарантирующий интересы добросовестного приобретателя цифровых активов.

Законодательство Европейского Союза, регулирующее отношения в цифровой среде, также не обходит стороной принцип добросовестности. В частности, в одном из специальных актов в данной сфере (Regulation (EU) 2022/2065) в определенной степени решается задача установления баланса между интересами модератора контента и основными правами пользователей интернет-сервиса. Так, в нормах, направленных на поощрение цифровых платформ к добровольному активному мониторингу незаконного контента, указано следующее: «Условие добросовестности должно включать в себя действие объективным, недискриминационным и соразмерным образом, с должным учетом прав и законных интересов всех заинтересованных сторон и с предоставлением необходимых гарантий от необоснованного удаления контента в соответствии с целью и требованиями издаваемых правил». Это означает, помимо прочего, что при решении вопроса об удалении какого-либо контента, размещение которого может быть связано с реализацией субъектом своих личных неимущественных или имущественных прав, следует руководствоваться принципом добросовестности. В научной среде дается толкование указанным критериям добросовестности<sup>19</sup>, что позволяет выявить пределы осуществления прав в цифровой среде.

Рассмотрев частные случаи применения принципа добросовестности в цифровую эпоху, можно добавить, что есть и общие вопросы, например: критерий добросовестности можно использовать как инструмент толкования намерений сторон на момент заключения договора, а также в связи с дальнейшими событиями. Такой подход позволит лучше выявить ожидания

<sup>17</sup> Wardoyo Y. P., Luthfi M., Cahyani T. D. Op. cit. P. 246.

<sup>18</sup> См.: Digital assets and English private law: the highlights of our response to the Law Commission's consultation // URL: <https://www.linklaters.com/ru-ru/insights/blogs/fintechlinks/2022/october/digital-assets-and-english-private-law> (дата обращения: 11.03.2023).

<sup>19</sup> См.: *Kerkhof van de J.* Good Faith in Article 6 Digital Services Act (Good Samaritan Exemption) // URL: [https://digi-con.org/good-faith-in-article-6-digital-services-act-good-samaritan-exemption/?utm\\_source=rss&utm\\_medium=rss&utm\\_campaign=good-faith-in-article-6-digital-services-act-good-samaritan-exemption](https://digi-con.org/good-faith-in-article-6-digital-services-act-good-samaritan-exemption/?utm_source=rss&utm_medium=rss&utm_campaign=good-faith-in-article-6-digital-services-act-good-samaritan-exemption) (дата обращения: 16.03.2023).

контрагентов<sup>20</sup>. Приведем пример, связанный с отношениями между социальной сетью и ее пользователями. Сложно спорить, что «в определенной степени намерения социальных сетей могут быть экстраполированы из юридических терминов, используемых в общих положениях и условиях, а некоторые намерения пользователей могут быть выведены из использования возможностей платформы, которые доступны им благодаря услугам, предоставляемым платформой»<sup>21</sup>.

Следовательно, толкование договора между пользователем и социальной сетью должно осуществляться не только путем формального анализа текста пользовательского соглашения, но и в связи с учетом добросовестности сторон<sup>22</sup>. Это будет особенно актуально в ситуации, когда социальная сеть предлагает пользователю новые услуги и возможности уже через определенное время после того, как такой пользователь зарегистрировался. Не секрет, что социальные сети регулярно предлагают всё новые и новые возможности, что не находит формального подтверждения в пользовательских соглашениях, с которым гражданин мог согласиться при регистрации и 10, и 20 лет назад.

В завершение следует сказать несколько слов о правотворческой роли добросовестности в современных условиях гражданского оборота. Принципы гражданского права имеют уникальное законодательное значение, о чем, к сожалению, иногда забывается. Опора на систему принципов гражданского права позволит гарантировать систематичность и обоснованность решений о внесении изменений в законодательство, сформировать перспективную методологию обоснования проектов федеральных законов. К сожалению, таковая зачастую не наблюдается при подготовке «цифрового законодательства». Правовые акты, регулирующие вновь возникающие отношения в цифровом пространстве, не только не отличаются систем-

ностью, но нередко вызывают сомнения в плане обоснования их необходимости.

Еще большее смущение иногда вызывает ознакомление с материалами законопроектной работы. Так, нередко в качестве основной цели того или иного законопроекта, которым предполагается регулировать отдельные гражданские отношения, прямо заявляется «обеспечивать исчисление и уплату в бюджеты всех уровней соответствующих налоговых платежей» (такое установлено, в частности, в законопроекте о майнинге криптовалют)<sup>23</sup>. Обоснование через элементы системы принципов гражданского права сделало бы пояснительные записки к законопроектам более логичными, а возможно, стало бы предметом рассмотрения вопроса о реальной необходимости того или иного регулирования еще на стадии подготовки проекта федерального закона.

Так, относительно приведенного примера следует рассмотреть проблему добросовестности субъектов отношений по поводу криптовалют. Известно, что нередко такие субъекты недобросовестно осуществляют свои права, используя технические программы с целью введения в заблуждение других участников оборота, обхода закона, вывода средств на счета в офшорных зонах и т.п. По данному поводу появляются также и судебные дела в разных странах<sup>24</sup>.

С другой стороны, отдельные факты недобросовестного и незаконного поведения участников отношений по поводу криптовалюты еще не означают, что оборот такого объекта следует запретить. Следовательно, в целях законотворческой деятельности перед принятием соответствующего правового акта необходимо сделать акцент не на необходимости взимания налогов, а на оценке добросовестности участников оборота. Важен анализ практики по вопросу того, действительно ли криптовалюта в большинстве случаев используется как объект недобро-

<sup>20</sup> См.: *Goanta C.* The Ancient Alien: Good Faith as the Facilitator of Personalized Law // URL: <https://lawreviewblog.uchicago.edu/2022/03/09/bp-goanta/> (дата обращения: 11.03.2023).

<sup>21</sup> *Goanta C.* Op. cit.

<sup>22</sup> На то, что при толковании договора учитывается презумпция добросовестности участников гражданского оборота, указывал Верховный Суд в постановлении Пленума от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора».

<sup>23</sup> Пояснительная записка к законопроекту № 237585-8 // Официальный сайт Государственной Думы ФС РФ. URL: [https://sozd.duma.gov.ru/bill/237585-8#bh\\_histras](https://sozd.duma.gov.ru/bill/237585-8#bh_histras) (дата обращения: 14.03.2023).

<sup>24</sup> См., например: *Будылин С. Л.* Дело о неизвестных злодеях, или Является ли криптовалюта имуществом? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 1. С. 63–82.

совестного поведения и имеются ли правовые и технические средства реального противодействия этому недобросовестному поведению. Выводы из подобного анализа могли бы предложить более серьезное с научной точки зрения обоснование необходимых изменений в российском законодательстве.

Рассмотрев сущность принципа добросовестности, а также отдельные модельные и реальные примеры из практики, можно сделать выводы о реализации принципа добросовестности в условиях цифровизации гражданского оборота. Прежде всего находит свое подтверждение тезис о том, что принципы гражданского права, в частности добросовестности, остаются актуальным и необходимым инструментом, который может быть использован и в законодательной, и в правоприменительной деятельности при решении юридических проблем правового регулирования отношений, связанных с использо-

ванием цифровых технологий. В данном случае могут быть выявлены некоторые специфические особенности принципа добросовестности.

Во-первых, происходит повышение стандарта предоставления информации контрагенту. Так, в отношениях в цифровой среде становятся выше требования к количеству необходимой информации, а также ее содержанию.

Во-вторых, в перспективе возможно ужесточение последствий за непредоставление необходимой информации в контексте п. 3 ст. 307 ГК РФ. Ясно, что какую-то информацию можно не сообщать при «живом» взаимодействии, например о явных недостатках товара. В онлайн-пространстве ситуация иная.

В-третьих, необходимо рассмотрение интерфейса сайта в качестве обстоятельства, влияющего на оценку добросовестности поведения. В этой связи оценке подлежат шрифт, цветовая гамма, отвлекающие моменты.

#### БИБЛИОГРАФИЯ

1. Богданова Е. Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом // *Lex russica* (Русский закон). — 2019. — № 7. — С. 108–118.
2. Будылин С. Л. Дело о неизвестных злодеях, или Является ли криптовалюта имуществом? // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. — 2022. — № 1. — С. 63–82.
3. Голубцов В. Г. Принцип добросовестности и смысл гражданского законодательства: логика законодательных изменений и задачи правоприменения // *Российский юридический журнал*. — 2020. — № 2. — С. 142–150.
4. Кулаков В. В. Основные принципы гражданского права как особая форма права // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. — 2013. — № 4. — С. 185–192.
5. Нешатаева Т. Н. Независимость и добросовестность суда и судей в цифровую эпоху: интеграционный опыт // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. — 2022. — Вып. 55. — С. 107–126.
6. Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // *Вестник гражданского права*. — 2016. — № 3. — С. 32–60.
7. Ульянов А. В. Добросовестность в гражданском праве // *Журнал российского права*. — 2014. — № 6. — С. 133.
8. Dell'Erba M. Demystifying Technology. Do smart contracts require a new legal framework? Regulatory fragmentation, self-regulation, public regulation // *University of Pennsylvania Journal of Law & Public Affairs*, Forthcoming. — 2018. — May. — 49 p.
9. Durovic M., Janssen A. The Formation of Blockchain-based Smart Contracts in the Light of Contract Law // *26 European Review of Private Law*. — 2018. — Iss. 6. — P. 753–771.
10. Herian R. Legal Recognition of Blockchain Registries and Smart Contracts. — Paris : The Open University Law School, 2018. — 48 p.
11. Wardoyo Y. P., Luthfi M., Cahyani T. D. Fulfillment of the Principle of Good Faith in Peer-to-Peer Lending Agreements According to the Perspective of Civil Law // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. — 2021. — Vol. 590. — P. 244–246.
12. Widaningsih W. The Implementation of Good Faith Principles in Online Sale and Purchase // *Kertha Wicaksana: Sarana Komunikasi Dosen dan Mahasiswa*. — 2019. — Vol. 13. — Iss. 1. — P. 62–68.

*Материал поступил в редакцию 16 марта 2023 г.*

## REFERENCES

1. Bogdanova EE. Problemy primeneniya smart-kontraktov v sdelkakh s virtualnym imushchestvom [Problems of Smart Contracts Application in Transactions in Virtual Property]. *Lex Russica*. 2019;(7):108-111. (In Russ.).
2. Budylin SL. Delo o neizvestnykh zlodeyakh, ili Yavlyaetsya li kriptovalyuta imushchestvom? [The case of unknown villains, or is the cryptocurrency property?]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii [Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation]*. 2022;1:63-74. (In Russ.).
3. Golubtsov VG. Printsip dobrosovestnosti i smysl grazhdanskogo zakonodatelstva: logika zakonodatelnykh izmeneniy i zadachi pravoprimereniya [The principle of good faith and the meaning of civil legislation: the logic of legislative changes and the tasks of law enforcement]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal [Russian Juridical Journal]*. 2020;2:142-150. (In Russ.).
4. Kulakov VV. Osnovnye printsiipy grazhdanskogo prava kak osobaya forma prava [Basic principles of civil law as a special form of law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki [Perm University Herald. Juridical Sciences]*. 2013;4:185-192. (In Russ.).
5. Neshataeva TN. Nezavisimost i dobrosovestnost suda i sudey v tsifrovuyu epokhu: integratsionnyy opyt [Independence and integrity of the court and judges in the digital age: integration experience]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki [Perm University Herald. Juridical Sciences]*. 2022;55:107-126. (In Russ.).
6. Savelev AI. Dogovornoe pravo 2.0: «umnye» kontrakty kak nachalo kontsa klassicheskogo dogovornogo prava [Contract law: «Smart» contracts as the end of the classical contract law]. *Vestnik grazhdanskogo prava [Civil Law Review]*. 2016;3:32-60. (In Russ.).
7. Ulyanov AV. Dobrosovestnost v grazhdanskom prave [Conscientiousness in civil law]. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2014;6:133. (In Russ.).
8. Dell'Erba M. Demystifying Technology. Do smart contracts require a new legal framework? Regulatory fragmentation, self-regulation, public regulation. *University of Pennsylvania Journal of Law & Public Affairs*. Forthcoming, 2018. May.
9. Durovic M, Janssen A. The Formation of Blockchain-based Smart Contracts in the Light of Contract Law. *European Review of Private Law*. 2018; 26 (4):753-771.
10. Herian R. Legal Recognition of Blockchain Registries and Smart Contracts. Paris: The Open University Law School; 2018.
11. Wardoyo YP, Luthfi M, Cahyani TD. Fulfillment of the Principle of Good Faith in Peer-to-Peer Lending Agreements According to the Perspective of Civil Law. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2021;590:244-246.
12. Widaningsih W. The Implementation of Good Faith Principles in Online Sale and Purchase. *Kertha Wicaksana: Sarana Komunikasi Dosen dan Mahasiswa*. 2019;13(4):62-68.